

ПРАВО РЕБЕНКА НА ДОСТУП К УЧАСТИЮ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2013 г. Наталья Вячеславовна Кравчук¹

Краткая аннотация: статья касается обеспечения права ребенка на справедливый суд, а именно одной из составляющих этого права – доступа к правосудию. Впервые эта проблематика рассматривается именно в контексте гражданского правосудия. Автором анализируются законодательство и практика России в области доступа ребенка к участию в гражданском процессе. Особое внимание уделяется положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также решениям Европейского Суда по изучаемой проблеме.

Annotation: the main focus of this paper is the problem of the child's access to the fair trial. For the first time this problem is considered within the context of the civil litigation. With this in view the author studies Russian legislation and practices in the field of child's access to the participation in the civil cases. Further, the detailed overview of the European convention on human rights and fundamental freedoms provisions regulating access of the child to the Court and Court's decisions and judgments on the issue is given to demonstrate the Court's approaches to this problem.

Ключевые слова: ребенок, доступ, суд, Россия, Европейский Суд.

Key words: child, access, trial, Russia, European Court.

Вопросы, связанные с защитой прав ребенка в России не теряют своей актуальности уже многие годы. Причем если ранее речь шла в первую очередь о защите прав и интересов ребенка его родителями, законными представителями или уполномоченными на то государственными органами, в последние годы все чаще говорится о защите самим ребенком своих прав².

Такое смещение акцентов связано в первую очередь с актуализацией реализации и защиты права ребенка на уважение его мнения³. Это право является основополагающим и, более того, было признано одним из четырех принципов Конвенции о правах ребенка ООН⁴. Это означает, что через призму участия ребенка должны рассматриваться все положения Конвенции, в том числе и норма о том, что “государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные и другие меры для осуществления прав,

признанных в настоящей Конвенции” (ст. 4 Конвенции). Пункт 2 ст. 12 Конвенции детализирует данное положение, поясняя, что “с этой целью ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка”. Воспринимая ребенка как активного субъекта права, Конвенция, а следом и Комитет по правам ребенка ООН “отрицает так называемую благотворительную ментальность и патерналистские подходы к правам детей”⁵. Необходимо учесть, что реализация такого подхода на уровне отдельной страны, в частности в сфере судебной защиты прав ребенка, зачастую требует радикального пересмотра статуса детей в обществе и перед законом⁶.

В Российской Федерации право ребенка на защиту в судебном порядке регулируется в первую очередь Семейным кодексом РФ, ст. 56 которого закрепляет: “При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоя-

¹ Доцент кафедры публичной политики НИУ ВШЭ, член Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка, кандидат юридических наук (E-mail: natkravchuk@mail.ru).

² См., например: Участие детей в деятельности по защите своих прав. Межрегиональный тематический доклад (в соавт.). М., 2010.

³ См.: Кравчук Н.В. Право ребенка выразить свое мнение: законодательство и практика России в контексте международных обязательств // Совершенствование гражданского и семейного законодательства. Сб. статей. М., 2012. С. 172.

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст. 497.

⁵ Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child. United Nations Children's Fund/ 2007. P. 149.

⁶ См.: Wald M.S. Children, Rights of: Cultural Concerns International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2004. P. 1722.

тельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет – в суд”.

Как мы видим, законодатель ограничивает право ребенка обратиться за защитой своих прав в судебные органы определенным кругом правоотношений и условием достижения определенного возраста.

Критерий возраста присутствует и в ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ⁷, согласно которой:

“Способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности... принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет... Права, свободы и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности, защищают в процессе их законные представители. Однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних... В случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы. Права, свободы и законные интересы несовершеннолетних, не достигших возраста четырнадцати лет..., если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, защищают в процессе их законные представители – родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица, которым это право предоставлено федеральным законом. Однако суд вправе привлечь к участию в таких делах граждан, признанных недееспособными”.

Статья 37 ГПК РФ, таким образом, предусматривает обязательство суда привлекать к участию в процессе детей в возрасте 14–18 лет (исключением из этого правила являются случаи, когда несовершеннолетний признан полностью дееспособным – эмансипированным до достижения совершеннолетия (ст. 27 ГК РФ) или при вступлении в брак (п. 2 ст. 21 ГК РФ)). Дети в возрасте до 14 лет могут быть привлечены судом к участию в деле, однако делать этого судья не обязан. При этом Кодекс не содержит какого бы то ни было положения, закрепляющего процессуальный статус ребенка. Отсутствие такой нормы в законе делает обязательство суда привлекать ребенка к участию в процессе и право ребенка участвовать

в гражданском процессе иллюзорным. На практике суды отказываются принимать жалобы и заявления от несовершеннолетних, ссылаясь на отсутствие соответствующих полномочий.

Следует отметить, что ограничение процессуальных прав ребенка *per se* никоим образом не противоречит положениям Семейного кодекса РФ и Конвенции ООН по правам ребенка. Частичная дееспособность является сутью концепции несовершеннолетия⁸. Ограничение процессуального статуса ребенка, тем не менее, не должно влиять на уровень защиты его/ее прав. Между тем его отсутствие приводит к невозможности для ребенка не только принять активное участие в судебном процессе, но и инициировать дело по защите своих прав.

Красочным примером нарушения прав ребенка такого рода является дело 17-летнего X⁹, которому не было разрешено судом участвовать в рассмотрении дела о прекращении договора между органами опеки и попечительства и его приемными родителями, в чьей семье он прожил 13 лет. Со ссылкой на ограниченную правоспособность X ему было отказано в праве подавать ходатайство об установлении фактов и в праве участвовать в рассмотрении дела судом. Его представитель от органов опеки и попечительства не заявлял необходимых ходатайств, будучи в том не заинтересованным. По решению суда договор с приемной семьей был расторгнут, и мальчик был переведен для проживания и воспитания в государственное учреждение.

Данный пример, возможно, является нетипичным, но и далеко не единичным случаем ущемления права ребенка на участие в гражданском процессе. Причем если здесь речь шла о 17-летнем подростке, которому было отказано в праве участвовать в процессе в силу его неполной правоспособности, то 12–13-летние дети судом как субъекты этого права не воспринимаются вовсе.

Обзор приведенных выше законодательных положений позволяет заключить, что право ребенка на доступ к гражданскому судопроизводству в России лимитирован. Помимо ограничения по возрасту, которое само по себе хоть и не является нарушением международных норм, может быть использовано в ущерб интересам ребенка, законом предусмотрено ограничение по кругу правоотношений. Законодатель устано-

⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁸ См.: O'Donnell D. (2009) The Right of Children to be Heard: Children's right to have their views taken into account and to participate in legal and administrative proceedings. P. 2.

⁹ Интересы X были представлены НПО “ЮРИКС” (2005).

вил право ребенка обращаться за защитой в суд “в случаях, предусмотренных федеральным законом”, что, по сути, возвращает нас к ст. 56 СК РФ и узкому кругу перечисленных в ней случаев. Практика применения закона демонстрирует его недостатки.

Учитывая примат международного права и тот факт, что Россия ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав и основных свобод человека (Европейская конвенция)¹⁰ еще в 1998 г., интересно проанализировать регулирование вопросов, связанных с доступом ребенка к участию в гражданском процессе на европейском уровне.

Напомним, что Европейский Суд по правам человека рассматривает только жалобы о нарушении прав, гарантированных Европейской конвенцией и поданных с соблюдением всех условий приемлемости жалобы, предусмотренных Конвенцией (ст. 35 Конвенции) и Правилами процедуры Суда (Правило 47)¹¹. Решения Европейского Суда являются обязательными для всех стран – участниц Конвенции (ст. 46 Конвенции) и, как правило, исполняются сторонами, а потому Суд считается одним из наиболее эффективных механизмов защиты прав человека на международном уровне.

Несмотря на то что Европейская конвенция отдельно не выделяет ребенка в качестве специального субъекта прав, и текст Конвенции, и решения Суда прямо говорят о том, что ребенок, несмотря на специфику его правового статуса, обладает в полном объеме всеми теми же правами, что и взрослый правоспособный человек, в том числе и правом на доступ к правосудию.

Так, согласно ст. 1 Конвенции “*Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции*”.

Дополнительно ст. 34 Конвенции, закрепляющая право подачи индивидуальных жалоб, предусматривает: “*Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие*

Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права”.

Таким образом, Конвенция не устанавливает никакого требования относительно правоспособности лица, обращающегося в Суд. По сути, единственное требование к такому лицу – являться жертвой нарушения права, предусмотренного Конвенцией (*ratione personae*). Следовательно, в Европейский суд может обратиться и ребенок, не обладающий правом на защиту в суде на национальном уровне.

И, тем не менее, как отмечает И. Берро-Левьефр, судья Европейского Суда, на практике в Суд обращается незначительное количество детей¹². Разумеется, мы говорим о заявлениях, поданных самими детьми или с их непосредственным участием, а не о жалобах, в которых ребенок указан в качестве заявителя исключительно в целях соблюдения правил приемлемости¹³.

Несмотря на то что жалоб, поданных детьми или в интересах детей, не так много, они, тем не менее, зачастую становятся основанием для вынесения Судом принципиально важных решений и используются впоследствии в качестве прецедента по широкому кругу дел и могут стать основанием значимых изменений в законодательстве страны. Рассмотрим несколько таких дел.

Одному из заявителей в деле *Assenov and others vs Bulgaria* (решение УСПЧ от 28 октября 1998 г.) (дело касалось плохого обращения под арестом со стороны полиции) было 14 лет, когда его арестовали и поместили под стражу. Рассматривая дело, Европейский Суд установил, что на основании представленных доказательств невозможно определить, было ли в действительности в отношении заявителя плохое обращение. Интересно, что именно в этом деле Суд впервые установил процедурное нарушение ст. 3 (запрещение пыток), отметив, что в случае жалоб заключенного на обращение в нарушение ст. 3 должно быть проведено эффективное расследование. Один из важнейших прецедентов, таким образом, появился именно благодаря определенному возрасту заявителя. Учитывая его уязвимость и повышенные сложности, связанные с получением ребенком доказательств плохого обращения,

¹⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

¹¹ См.: Андреева Л.А. Внутригосударственные и европейские механизмы защиты прав человека: способы защиты // Советник юриста. 2012. № 3¹. С. 85.

¹² Berro-Lefèvre J. Improving children’s access to the European Court of Human Rights. *International justice for children*. Council of Europe publishing. 2008. P. 70.

¹³ Так, в широко известном деле *Nachova v Bulgaria* (решение ЕСПЧ от 6 июля 2005 г.), касавшемся дискриминации цыган, одной из заявителек было на момент подачи жалобы три года.

Суд счел возможным наложить на государство дополнительные обязательства по расследованию дела.

Дело *Tyrer vs the United Kingdom* (решение ЕСПЧ от 25 апреля 1978 г.) касалось 15-летнего мальчика “ранее прилежного поведения”, приговоренного судом к телесному наказанию (наказание розгами широко применялось в Великобритании относительно недавно и было официально отменено именно после вынесения Европейским Судом решения по этому делу). Порка розгами была наказанием за участие в драке в школе, повлекшей легкие телесные повреждения старшеклассника. Э.М. Тайрер должен был снять брюки и трусы и наклониться над столом. Его удерживали двое офицеров полиции, а третий наносил удары розгой. Европейский Суд признал такое обращение “институционализированным насилием” (решение ЕСПЧ) и нарушением ст. 3 Европейской конвенции.

Итак, как мы установили, даже не имея права на обращение в суд на национальном уровне, ребенок может стать заявителем в Европейский Суд по правам человека. Интересен вопрос: кто может представлять интересы ребенка в суде?

Первый, наиболее распространенный тип представительства – представительство интересов ребенка его родителями или иными законными представителями. Здесь, казалось бы, национальное право и право Европейского Суда совпадают в своих подходах. Однако есть ряд дел, демонстрирующих некоторые различия.

Так, в соответствии с российским семейным законодательством (ст. 64, 71, 73, 145, 148 СК РФ) мать, лишенная родительских прав или ограниченная в родительских правах, не имеет права представлять интересы ребенка. Европейский Суд придерживается по этому поводу иной точки зрения.

В деле *Scozzari and Giunta vs Italy* (решение ЕСПЧ от 13 июля 2000 г.) мать двоих детей (11 лет и 4 года) была ограничена судом в своих родительских правах по отношению к ним в связи с тем, что медицинская экспертиза установила у нее “изменения личности” (§ 24 решения ЕСПЧ) и отсутствие способности адекватно воспринимать реальность, в том числе определять, что хорошо или что плохо для детей, и, следовательно, защищать их интересы. Ее дети были переданы на воспитание в сельскохозяйственную общину, руководители которой в свое время обвинялись в насилии над детьми. Многократные попытки матери обжаловать помещение детей

в данную общину, а также наложенный судом запрет на общение с детьми на национальном уровне оказались безуспешными, и она обратилась в Европейский Суд. В своих предварительных возражениях правительство Италии заявило, что мать не имеет права представлять интересы детей в связи с тем, что ее родительские права были ограничены, существовал конфликт интересов детей и их матери и на тот момент еще не было окончено расследование уголовного дела по обвинению матери в нарушении прав детей. На это Европейский Суд заявил следующее: “*В принципе лицо, не имеющее полномочий по внутреннему законодательству представлять другое лицо, может, тем не менее, действовать в интересах этого лица перед (Европейским. – Н.К.) Судом. В частности, несовершеннолетние могут обратиться в Суд даже, или на самом деле – тем более, если их интересы защищаются матерью, находящейся в конфликте с властями и оспаривающей их решения и действия как не соответствующие правам, гарантированным Конвенцией... Суд считает, что при конфликте между кровной матерью и лицом, назначенным властями в качестве опекуна ребенку, существует опасность того, что некоторые интересы ребенка не будут представлены вниманию Суда и несовершеннолетний, таким образом, лишится эффективной защиты своих прав. Следовательно., хотя мать и была лишена родительских прав – и, собственно, это и есть одно из действий, которые она обжалует, – ее статус кровной матери достаточен для того, чтобы обращаться в Суд в интересах ее детей в целях их защиты*” (§ 138 решение ЕСПЧ).

Суд постановил, что мать, ограниченная в правах (лишенная родительских прав), имеет право как кровная мать своих детей подавать жалобу в Европейский Суд в их интересах. Такой подход демонстрирует, что ребенок, не имеющий *locus standi* по национальному праву, может подать жалобу в Европейский Суд, не имея назначенного в обычном порядке представителя или представителя *ad litem*. Тот же подход был использован Судом и в деле *A v. the United Kingdom*, которое будет рассмотрено ниже, и в более позднем определении по делу *Giusto-Bornacin v. Italy*¹⁴, где было отмечено, что следует избегать чересчур ограничительного или чисто технического подхода к представительству детей перед органами Конвенции. Следует принимать во внимание в

¹⁴ *Berro-Lefèvre I. Improving children’s access to the European Court of Human Rights. International justice for children. Council of Europe publishing. 2008. P. 71.*

первую очередь связь между ребенком и его представителями, смысл и цель жалобы и учитывать все возможные конфликты интересов.

Еще одно дело, интересное как с точки зрения подходов Суда к вопросу о том, в каких случаях родители могут представлять интересы детей, так и с точки зрения трактовки Судом эффективности средств внутренней защиты, – дело *X and Y vs the Netherlands* (решение ЕСПЧ от 26 марта 1985 г.), касавшееся изнасилования психически неполноценной 16-летней девушки в детском доме. Национальный суд отклонил жалобу отца на отказ в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что отец, в силу действующего уголовного законодательства не имел права подавать жалобу на подобное нарушение от имени своей дочери или в ее защиту, даже учитывая тот факт, что сама она также не могла подать жалобу в силу своей неполноценности. Согласно положениям процессуального законодательства отец не смог и обжаловать вынесенное Судом решение. Европейский Суд, исследовав национальные процедурные гарантии обжалования законным представителем (чье право на представительство *per se* не оспаривалось) в ситуациях, когда затронуты права детей, пришел к выводу о нарушении ст. 8 Конвенции вследствие отсутствия эффективной защиты.

Несмотря на то что данное дело касалось, по сути, права на участие в уголовном судопроизводстве, практика использование этого прецедента показывает, что правовой стандарт, установленный Судом, может быть применен и в случаях отсутствия эффективной процедуры обжалования действий должностных лиц в рамках гражданского судопроизводства.

Интересен вопрос полномочий представителя, назначенного государством для защиты прав детей. В соответствии со ст. 64 СК РФ в случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей. Защита прав и интересов детей, оставшихся без опеки и попечительства родителей, осуществляется органами опеки и попечительства.

Жалоба *S.P., D.P. and A.T. against the United Kingdom*¹⁵ (11, 10 и 6 лет, соответственно) была подана в Европейский Суд г-ном Л. Клеменсом, английским юристом, назначенным для защиты прав и интересов детей по делу об установлении опеки над ними. В связи с тем что несмотря на

срочность дела и необходимость помещения детей под опеку в скорейшем времени рассмотрение дела откладывалось, г-н Клеменс счел необходимым обратиться в интересах детей с жалобой в Европейский Суд. При рассмотрении дела правительство Великобритании подняло вопрос о его полномочиях, заявив, что он был нанят исключительно для представления конкретного дела в суде на национальном уровне и не имеет длящегося права представлять интересы детей по иным делам или в иных инстанциях. Действовавшая во время рассмотрения дела Европейская комиссия¹⁶, изучив дело, в первую очередь отметила, что дела о нарушении прав детей требуют особо тщательного рассмотрения, в котором, возможно, не нуждаются дела о нарушении прав взрослых. Исходя из того что положения Европейской конвенции, будучи призванными защищать права человека, должны интерпретироваться и применяться эффективно и проанализировав сложившуюся ситуацию, а именно: отсутствие иного представителя интересов детей (притом, что мать в этом не заинтересована, а власти являются предметом критики по данному делу), г-н Клеменс продолжает в Европейском Суде отстаивать именно те интересы детей, что были предметом рассмотрения суда на национальном уровне, конфликт же интересов между ним и детьми отсутствует, Европейская комиссия заключила, что жалоба поданная г-ном Клеменсом, является с точки зрения Конвенции поданной надлежащим лицом.

Рассмотренное дело представляет собой яркий пример “неформального” отношения Европейского Суда к подтверждению полномочий представительства. Бывший государственный представитель детей, не имевший от них или от государства полномочий на ведение дела в Европейском Суде, был, тем не менее, в интересах детей допущен к ведению дела.

И последний вид обращений детей в Европейский Суд, который необходимо проиллюстрировать, – обращение непосредственно самим несовершеннолетним. Здесь примером может быть дело *A vs the United Kingdom* (решение ЕСПЧ от 23 сентября 1998 г.), которое считается знаковым, так как, рассматривая его, Суд впервые коснулся вопроса телесного наказания ребенка родителями. Заявитель 13-ти лет (на момент подачи жа-

¹⁵ Жалоба № 23715/94, постановление ЕСПЧ от 20 мая 1996 г.

¹⁶ Двойственная система защиты прав во исполнение Европейской конвенции (Комиссия — Суд) была заменена унифицированным институтом постоянно действующего Европейского Суда как единого органа в соответствии с Протоколом № 11 к Конвенции от 11 мая 1994 г.

лобы), пожелавший остаться неизвестным¹⁷, был жертвой насилия со стороны отчима, который регулярно бил его палкой. Против отчима было возбуждено уголовное дело, однако он был оправдан со ссылкой на положение обычного права о “разумном наказании”, согласно которому родители имеют право на определенное воздействие на детей в целях воспитания и в разумных пределах. Европейский Суд установил, что право мальчика на защиту от унижительного наказания (ст. 3 Конвенции) было нарушено этим законодательным положением, не обеспечивавшим эффективную защиту ребенка от насилия. Следует отметить, что на стадии рассмотрения дела в Европейском Суде ребенка представляли профессиональные юристы.

Необходимо отметить, что в целях повышения эффективности защиты детей, обратившихся с жалобами на нарушение прав, гарантированных Конвенцией, Суд использует все имеющиеся в его распоряжении возможности. Одной из них является возможность применения предварительных мер в соответствии с Правилom 39 Правил процедуры Суда. Так, по делу *Eskinazi-Chellouche vs Turkey*¹⁸, касавшемся похищения ребенка одним из родителей, в качестве предварительной меры Суд попросил правительство Турции приостановить исполнение решения по высылке несовершеннолетнего в Израиль в соответствии с Гаагской конвенцией о гражданско-правовых аспектах

международного похищения детей до разрешения дела по существу.

Еще одно Правило процедуры, позволяющее повысить эффективность защиты прав ребенка на европейском уровне, – это Правило 41 Правил процедуры Суда, согласно которому Палата рассматривает жалобы в порядке очередности, который определяется их готовностью к рассмотрению. При этом она может принять решение о разбирательстве конкретной жалобы в приоритетном порядке. Такой порядок применяется, помимо прочего, к жалобам, в которых изложены серьезные или срочные вопросы, имеющие жизненно важное значение, или дела, промедление в рассмотрении которых может привести к непоправимым нарушениям прав человека. С точки зрения Суда сюда включаются практически все дела о нарушении прав ребенка.

Сделанный выше обзор положений Европейской конвенции и подходов Европейского Суда к проблемам доступа ребенка к участию в судебном процессе позволяет заключить, что Суд положительно относится к случаям обращения детей и склонен их поощрять вплоть до установления новых правовых стандартов. Это в целом соответствует основному подходу Суда к защите прав человека через обеспечение реальных возможностей защиты. Представляется необходимым внести определенные изменения в законодательство России с тем, чтобы приблизить эффективность доступа ребенка к участию в гражданском процессе к уровню, соответствующему европейским стандартам. Разработка конкретных изменений законодательства, как семейного, так и гражданского процессуального, должна стать предметом отдельного, более глубокого исследования в области права ребенка на доступ к правосудию.

¹⁷ В случае если заявитель не хочет раскрывать свою личность, он может попросить об этом Суд. В таком случае его имя не будет обозначено в публичных документах. Однако в своей жалобе в Суд он должен представить о себе полную информацию, включающую и имя (Правило 47 Правил процедуры Суда).

¹⁸ *Berro-Lefèvre I.* Op. cit. P. 74.